

В конце августа 2000 года меня привезли в Красноярскую межрайонную клиническую больницу скорой медицинской помощи имени Н. С. Карповича с острой болью в брюшной полости. В результате осмотра аппендицит исключили сразу, но всё равно госпитализировали и до установления диагноза отправили в самое женское отделение. Палата, в которую меня определили, находилась в конце коридора. В ней шесть коек, три из которых занимали послеоперационные больные. Я расположилась на пятой. В гинекологии я на тот момент была моложе всех — семнадцать лет.

Палатные женщины (в возрасте от тридцати пяти до сорока лет) спросили моё имя, потом стали интересоваться, каким образом и с чем я попала в стационар. Трое из них не могли вставать, так как их недавно прооперировали. Ходячими — так нас называли — были я и моя ближайшая соседка. Через несколько часов на каталке привезли ещё одну пациентку. Она только-только приходила в сознание после наркоза.

К вечеру все мы, шесть человек, стали одной большой семьёй, включая цыганку Риту. Мы вдвоём, ходячие, помогали лежачим. В детстве я мечтала быть врачом, а тут на время стала почти медсестричкой. «Какая удача!» — думалось мне.

На следующий день выписали мою соседку, и из ходячих в палате осталась я одна. После всех необходимых процедур и обеда (некоторым прооперированным разрешалось

пить только воду) сон-час мы использовали не по назначению. Сначала я рассказала, что в санитарном узле напротив нашей палаты перегорела лампочка — страшно заходить туда поздним вечером, темень жуткая, а ещё шпингалет сломался и дверь не закрывается.

— Как же,— говорю,— хорошо тем, кто лежачий, у них пока нет надобности посещать это мрачное помещение.

И тут мои соседки начали шутить, что специально, наверное, дверь не закрывается — в щель из коридора свет падает и таким образом освещает санузел. И ещё добавили, чтобы я была настороже, так как большая дверь, которая находится как раз между этой «темнушкой» и нашей палатой, на самом деле ведёт в какое-то другое отделение, где много мужчин.

— Возьмут и подкараулят тебя, молодую и симпатичную, сегодня вечером — и всё тогда... не думай, что после этой «темнушки» женятся на тебе.

Так дальше и подхватили столь щекотливую тему. Они шутили, я — краснела. Хохотали громко, прибежала медсестра и сделала замечание, даже пригрозила написать нарушение в больничный лист.

— Как уколы ставить, так они на бок и чуть-чуть повернуться не могут, швы у них болят, а как ржать на всё отделение — ничего не болит,— ругалась она.

Наша палата весело провела не только время дневного сна, но и последующие часы. Ко мне приезжали родители, передали сладости и пакет с огромными ароматными грушами. Потом к цыганке Рите пришли родственники, и им разрешили подняться в палату.

«Вот это табор»,— удивилась я, разглядывая столь необычных посетителей. До этого у Риты была одна дочь, а теперь пожаловала большая компания. Все громкоголосые, яркие. Женщины — в длинных юбках и интересных кофточках с широкими рукавами, а мужчины — в рубашках и брюках,— как в кино. Остальных лежачих из нашей палаты тоже навестили родные.

К вечеру мы снова расшутились и расшумелись. Я смеялась — уже и не помню над чем, как вдруг моё сердце пронзил истошный рёв. Мы все затихли. Разом.

«Даже раненый зверь кричит тише», — промелькнула у меня мысль.

— Ма-а-ама, ма-а-а-а-ам! Ноги... Мама, ноги... Оторвало... Ма-ама-а-а! Гранату... Суки-и-и! Убью! Гранату мне... Ма-а-ама! Больно... Ма-а-а, помоги...

Мы смотрели молча друг на друга, слёзы начинали душить кого-то на самом первом крике, кого-то — на последнем. Когда рёв отчаяния затих, мы продолжали молчать. В дверях палаты появилась медсестра, принесла капельницы. Она была невозмутима. Тут мы немного пришли в себя и принялись расспрашивать: кто кричит, где, почему?

С той же невозмутимостью, готовя иголку, сестричка ответила, что из Чечни парня привезли, положили в соседнем отделении, которое за той самой дверью рядом с нашей палатой.

— Солдата задело снарядом, размесило ноги, прооперировали, то есть ампутировали. Кричит, потому что от наркоза отходит.

— Сделайте что-нибудь, — попросила я медсестру.

— А что тут можно сделать? Ничего.

— Ну как же? Поставьте укол, пусть уснёт.

— Так он ещё до конца и не проснулся. Говорю же, после наркоза...

Снова разразилось громом: «Мама! Мамочка!» И затихло.

В тот вечер мы больше не шутили и не смеялись, каждая из нас о чём-то думала. Мне же хотелось спросить, что они, взрослые женщины, знают о чеченской войне. Разве она не закончилась? Но не решилась поднимать эту тему. Ограничилась собственными размышлениями. Неужели действительно вторая чеченская?! А как же военный госпиталь? Почему именно в Красноярск эвакуировали солдата? Один ли он здесь, или есть ещё? Откуда медсестра нашего отделения знает о том, что происходит в другом?

Наверное, вся больница уже в курсе...

Ночью уснуть я не смогла. Мне казалось, что парнишка тот лежит сразу в первой палате за нашей стенкой. Прислушивалась. Какой же он? — пыталась представить. Наверное, совсем юнец. Голос, как и у моих сокурсников по институту, с которыми я уже год проучилась, мальчишеский, будто совсем недавно поломался. Но сколько же нестерпимой боли в этом сегодняшнем голосе...

В детстве мне говорили, что мальчишки и мужчины не плачут. Не плачут! Я и правда не видела. Но в тот вечер слышала, как они кричат. Сколько же слёз было в этом крике... Столько не выплакать — не получится. Кто мама этого юнца-солдата? Есть ли она у него? Если да, то где она сейчас? Знает ли? Слышит, как сын зовёт её? Сердце её слышит: «Мама»?

В шесть часов утра в палату пришла сестричка ставить уколы. Потом я задремала ненадолго. Разбудил меня лечащий врач, сказал, что сегодня третий день моего пребывания в стационаре. Анализы уже хорошие, ничего не обнаружили, нет необходимости держать меня здесь, поэтому сегодня же выпишут ближе к обеду, только подготовят нужные документы.

— Ну вот, последнюю ходячую у нас забирают,— пошутили мои соседки по палате.

— Ничего, подселим другую. Это мы быстро,— отшутился врач.

Я стала собираться заранее. В тумбочке лежал пакет с грушами. Взяла их и вышла в коридор. Долго смотрела на дверь, разделяющую два отделения — наше и то, где лежал солдатик из Чечни. Надо проверить, заперта ли дверь. Если нет, я открою и зайду. Найду его и отдам эти ароматные груши. Может, ему нельзя после операции? Ну и что? Потом съест. Наверное, сто лет не ел фрукты. Такие ароматные! Хоть запах вспомнит. А то земля да дым... теперь вот больничные запахи. Ну а вдруг он рассердится на меня? Закричит? Я ведь тоже совсем девчонка, а он лежит там без ног... Но я же не из жалости, мне хочется

просто угостить грушами и сказать что-нибудь хорошее. А что же сказать? Ну что тут можно сказать? Скажу, что он — герой! А если меня выгонят? Медперсонал увидит и с позором прогонит...

Домой вернулась около полудня. Стала разбирать сумку. В больнице женщины велели мне забрать весь пакет с грушами с собой, потому что им всё равно в ближайшие дни фрукты нельзя, а потом их родные привезут и всё они съесть не смогут. Зайти к солдату я так и не решилась.

«Вот же малодушная! — принялась укорять себя дома.— Может, следовало передать через медсестру? Да, так и надо было сделать. Но... поздно об этом думать. А что, если завтра или послезавтра поехать в больницу? Кому-нибудь из нашей палаты уже разрешат ходить, попрошу спуститься ко мне, а потом выяснить на этаже номер палаты солдатика и отдать ему гостинец...»

Завтра-послезавтра... так и полетели дни. Я снова смалодушничала. Как же быстро остывает моё сердце. Остывает, но помнит. Помнит до сих пор. Помнит всё, будто это случилось вчера.

Какой он сейчас, тот самый мальчишечка, так и оставшийся для меня навсегда безликим героем? Как сложилась у него судьба? Прошло уже почти двадцать лет. Теперь я и сама мама. Всё можно пережить, лишь бы сыновья больше никогда не кричали!